

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Рязанцев С. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: riazan@mail.ru*

Мирязов Т. Р.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: miryazov_timur@mail.ru*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Для цитирования: Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Аннотация. В статье вводится понятие «демографическое благополучие». На микроуровне под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации matrimониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т. е. на макроуровне, можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет. Также в статье рассматриваются особенности демографического развития Российской Федерации во время второй волны депопуляции. Предлагается методика оценки демографического благополучия на основе нескольких критериев. Во-первых, демографическое благополучие должна характеризовать положительная (восходящая) демографическая динамика, имеющая устойчивый (многолетний) характер. Во-вторых, демографически благополучными могут считаться регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счет двух компонент – естественного и миграционного прироста населения. Регионы, в которых отмечается миграционная или естественная убыль населения, но имеет место общий прирост, не могут считаться демографически благополучными. В-третьих, важным моментом можно считать соотношение показателей и динамику показателей рождаемости и смертности населения. Прежде всего, это их прямое соотношение, в котором рождаемость должна превышать смертность. В то же время уровень рождаемости должен быть близким к простому воспроизводству населения, а структура смертности не должна иметь экстремальных «выбросов» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах. В-четвертых, важным моментом являются качественные показатели демографического благополучия, в том числе сбалансированная половозрастная структура населения, оптимальная доля молодежи и пенсионеров, наличие трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития. Приводится типология регионов Российской Федерации по показателям демографического благополучия. Также предлагаются меры демографической политики по достижению демографического благополучия в Российской Федерации, включая федеральные и региональные меры.

Ключевые слова: демографическое благополучие, демографическая безопасность, демографические процессы, воспроизводство населения, демографические показатели, рождаемость, смертность, миграция.

Введение

Исторически понятие «благополучие» происходит из психологии. В западной психологии понятие «благополучие» («well-being») определяется в самом широком смысле как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Затем понятие «благополучие» вошло в социологию, получив социальное наполнение. Социальное благополучие в зарубежных исследованиях оценивается успешностью физического, психического, социального и экономического функционирования в социуме [1].

Демографическая наука пока не использует понятие «благополучие», хотя определенные признаки его имплементации из психологии и социологии отмечаются. Например, достаточно близок к демографии подход Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В используемой ВОЗ дефиниции здоровья – «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» – понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью. В состоянии социального благополучия включаются несколько составляющих, в том числе субъективная оценка физического, психического, духовного, социального благополучия. Восприятие личностью своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых она живет, а также в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами ВОЗ характеризует как качество ее жизни [2].

Эволюция теоретических подходов: от демографического роста к демографической устойчивости

В демографической науке и практике реализации демографической политики за последние 50–70 лет отмечается эволюция теоретико-методологических подходов к определению векторов и результативности демографического развития государств.

С конца 1940-х гг. вплоть до настоящего времени в демографии доминирует теория демографического перехода, которая увязывает результативность демографических процессов с социально-экономическими трансформациями в обществе, определяя параметры демографического роста и демографического развития обществ и государств, находящихся на разных этапах социально-экономической и демографической трансформации. Появляется понятие «демографического роста», также вводится термин «замещающая миграция», считалось, что иммиграция, приток иммигрантов, прежде всего трудоспособного возраста, могут заместить демографические потери стран с депопуляцией. Термин «замещающая миграция» впоследствии вызвал критику со стороны некоторых демографов, когда стало очевидно, что большое количество иммигрантов не может быстро быть интегрировано и ассимилировано в принимающих странах с депопуляцией. В результате значительная популяция иммигрантов в буквальном смысле замещала местное население и формировала новое социокультурное пространство в некоторых городах и регионах Европы, вызывая недовольство и конфликты.

С 1990-х гг. становится актуальной концепция демографической безопасности (Concept of the Demographic Security), что отражается на секьютеризации демографической и миграционной политики. Все чаще на государственном уровне демографические процессы рассматриваются как составляющая национальной безопасности. В частности, Н. М. Римашевская вводит в научный оборот термин «русский

крест», описывая им ситуацию превышения числа умерших над числом родившихся в России в 1990-е гг. [3] По мнению В. Б. Жиромской, депопуляция – это вымирание населения вследствие его суженного воспроизводства [4, с. 8]. В. А. Ионцев настаивает на термине «демографический кризис», полагая что демографическая ситуация в России характеризуется крайне негативными тенденциями, требующими реакции со стороны государства [5]. Л. Л. Рыбаковский оперирует терминами «демографическая безопасность», описывает депопуляцию, используя применительно к России такие словосочетания как «обезлюживание территорий» (в контексте потерь населения на Дальнем Востоке), «режим воспроизводства населения, характеризующийся африканской смертностью и европейской рождаемостью» [6]. С. В. Соболева под демографической безопасностью понимает состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. По ее мнению, демографические угрозы – это явления, тенденции и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства [7].

Подчеркнем, что все перечисленные выше работы фактически лежат в русле подхода «демографической безопасности», подчеркивая негативный характер демографических процессов в России. С данным направлением полемизирует А. Г. Вишневецкий в монографии «Русский или прусский?», считая, что негативные демографические процессы, происходящие в России в 1990–2000-е гг. (т. е. ситуация «демографического креста»), являются следствием объективной демографической трансформации, характерной для всех экономически развитых стран мира [8]. В русле данного направления высказывается С. В. Захаров относительно трансформации рождаемости, подчеркивая, что ее снижение является объективным процессом, характерным для большинства экономически развитых стран мира [9]. По сути, авторы данных работ считают, что вложения в демографическую политику не имеют особого смысла, поскольку не могут кардинально изменить объективный характер демографических процессов.

В 2020-е гг. ООН вводится новое понятие «демографическая устойчивость» (Demographic Resilience). Фонд ООН по народонаселению объявил десятилетием демографической устойчивости 2022–2032 гг. В рамках данной инициативы выделены ключевые направления, актуальные на среднесрочную перспективу:

- демографическое старение населения;
- оживление сельских районов;
- поддержка рождаемости;
- достижение гендерного равенства и проведение семейной политики;
- поддержка устремлений молодых людей;
- финансирование социальной политики.

В контексте идеи демографической устойчивости было реализовано несколько крупных проектов, в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В частности, 1–2 декабря 2021 г. крупная международная конференция министров по демографическому развитию “Shaping Europe’s Demographic Future: Pathways for Societies to Thrive in a World of Rapid Demographic Change” в Софии (Болгария). Обозначенные социально-демографические проблемы имеют особую ак-

туальность во многих странах Центральной и Восточной Европы (в Беларуси, Болгарии, Венгрии, Молдове, России, Сербии, Украине), которые в последние десятилетия столкнулись с проблемой депопуляции и миграционного оттока населения. Сокращение численности и миграционные потери населения лишают государства региона демографической устойчивости и становятся тормозом социально-экономического развития. В данном контексте становятся актуальными нейтрализация рисков демографической устойчивости и обеспечение условий для перехода к концепции демографического благополучия в странах региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии.

Методы и источники информации

В настоящем исследовании не только предложено понятие «демографическое благополучие», но и предпринята попытка разработать методику оценки демографического благополучия на примере регионов (субъектов) Российской Федерации. В качестве источников статистической информации были использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), представленные на ее официальном сайте в разделе «Демография», а также в сборниках «Демографический ежегодник России» и «Численность и миграция населения Российской Федерации». На основе данных официальной демографической статистики построена серия картографических материалов, отражающих региональную дифференциацию демографических показателей, включенных в методику оценки демографического благополучия субъектов Российской Федерации. Картографические материалы составлены с использованием ГИС-технологий, что позволило использовать обширную базу геоданных с возможностью хранения, обновления и редактирования. С помощью ГИС удалось визуализировать данные и определить особенности в географическом распределении регионов с разным уровнем демографического благополучия.

Методика оценки демографического благополучия

Демографическое благополучие следует рассматривать как минимум с двух точек зрения. Во-первых, с позиции человека и семьи (микроуровень), когда под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации матримонимальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Во-вторых, демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т. е. на макроуровне. В этом случае демографическое благополучие можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет.

В связи с формулировкой понятия «демографическое благополучие» встает вопрос о критериях его оценки. Предлагается следующий перечень критериев оценки демографического благополучия.

Во-первых, демографическое благополучие должна характеризовать положительная (восходящая) демографическая динамика, которая носит устойчивый характер в течение, как минимум, пяти лет.

Во-вторых, демографически благополучными могут считаться регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счет двух компонент:

естественного и миграционного прироста населения. Регионы, в которых отмечается миграционная или естественная убыль населения, но при этом имеет место общий прирост, не могут считаться демографическим благополучными.

В-третьих, важным аспектом является соотношение и динамика показателей рождаемости и смертности населения. Прежде всего, их прямое соотношение, в котором рождаемость должна превышать смертность. Также важно, чтобы уровень рождаемости (суммарный коэффициент) был близок к простому воспроизводству населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста). Кроме того, структура смертности не должна иметь экстремальных «выбросов» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах.

В-четвертых, важным моментом являются качественные показатели демографического благополучия, в том числе сбалансированная половозрастная структура населения, характеризующаяся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития.

Результаты исследования

Российская Федерация на протяжении длительного периода своей новейшей истории живет в режиме депопуляции. За тридцать лет естественная убыль населения составила 14,4 млн человек, однако миграция компенсировала примерно 2/3 естественной убыли. В результате население страны сократилось лишь на 4,8 млн человек. Присоединение Крыма в 2014 г. уменьшило эту величину до 2,5 млн человек. Худшим периодом в демографическом развитии России были 1996–2005 гг. До середины 2000-х гг. вследствие роста смертности, начавшегося после дефолта 1998 г., естественная убыль населения держалась на отметке 840–850 тыс. человек в год. Это было самое трудное время депопуляции. Затем последовало десятилетие преодоления депопуляции и «оздоровления» демографической ситуации в стране. Но улучшение длилось недолго. За ним вновь наступила вторая волна депопуляции. Принципиальным отличием этого этапа демографического развития страны является то, что величина естественной убыли определяется исключительно сокращением числа родившихся, а смертность продолжает снижаться (см. табл. 1) [10]. Пандемия COVID-19 увеличила смертность населения в стране. По итогам 2020 г. число умерших возросло до 2124,5 тыс. человек, то есть на 18% выше, чем в 2019 г. Общее число зарегистрированных умерших с COVID-19, для которых коронавирус стал либо основной,

Таблица 1.

Показатели демографического развития России в 2016–2020 годы, тыс. человек

Table 1.

Indicators of the demographic development of Russia in 2016–2020, thousand people

| | 2016 г. | 2017 г. | 2018 г. | 2019 г. | 2020 г. |
|---------------------------------------|---------|---------|---------|---------|---------|
| Число родившихся | 1 888,7 | 1 690,3 | 1 604,3 | 1 481,1 | 1 435,7 |
| Число умерших | 1 891,0 | 1 826,1 | 1 828,9 | 1 798,3 | 2 124,5 |
| Естественная убыль | -2,3 | -135,8 | -224,6 | -317,2 | -688,7 |
| Миграционный прирост | 261,9 | 211,8 | 124,8 | 285,1 | 106,4 |
| Общий прирост населения | 259,6 | 76,0 | -99,7 | -32,1 | -582,3 |
| Численность населения на начало года. | 146 545 | 146 804 | 146 880 | 146 794 | 146 745 |

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики

либо косвенной причиной смерти, за апрель-декабрь 2020 г. достигло 162,3 тыс. человек, следует из данных Росстата, собирающего медицинские свидетельства о смерти из Единого госреестра ЗАГС¹.

В условиях негативных демографических тенденций давать оценку категории «демографическое благополучие» применительно к субъектам Российской Федерации достаточно сложно, однако возможно на основе анализа данных демографической статистики по обозначенным выше параметрам.

По первому критерию – положительная (восходящая) и устойчивая демографическая динамика – к демографически благополучным регионам в 2019–2020 гг. можно отнести только девятнадцать субъектов Российской Федерации, или 22% от общего числа регионов страны (см. рис. 1). Наиболее благополучными в демографическом отношении можно считать город Севастополь (рост населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составил 14,3%), Республику Ингушетию (1,8%), Чеченскую Республику (1,5%), Республику Саха (Якутия) (1,3%), Республику Тыва (0,9%), Ханты-Мансийский автономный округ (0,8%), Республику Дагестан, Калининградскую область и Ненецкий автономный округ (по 0,7%), Ямало-Ненецкий автономный округ (0,5%). В остальных 66 субъектах Российской Федерации отмечалось сокращение населения, т. е. регионы были демографически неблагоприятными.

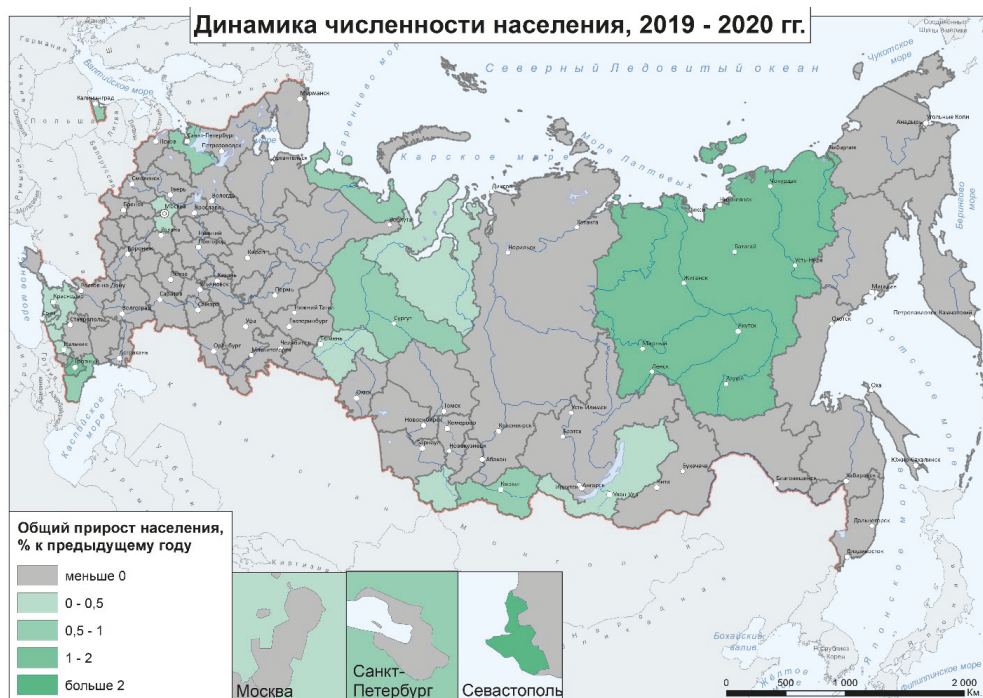


Рис. 1. Динамика численности населения России в 2019–2020 гг., в %

Fig. 1. Dynamics of the population of Russia in 2019–2020, %

¹ Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 году // РБК. Газета [сайт]. 08.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5> (дата обращения: 05.09.2021).

По второму критерию – положительный общий прирост населения за счет естественного и миграционного прироста – демографически благополучными в 2020 г. могли считаться только шесть регионов страны (или 7% от их общего количества) (см. рис. 2). К их числу относились Республика Саха (Якутия) (+12,7 тыс. человек), Тюменская область (+5,1 тыс. человек), Ханты-Мансийский автономный округ (+13,7 тыс. человек), Ненецкий автономный округ (+293 человека), Республика Ингушетия (+8,9 тыс. человек), Республика Алтай (+869 человек).

Демографически неблагополучными в 2020 г. по второму критерию были 79 субъектов Российской Федерации (93% от их общего количества). Наиболее проблемными оказались Чукотский автономный округ (-988 человек), Смоленская область (-13,27 тыс. человек), Республика Мордовия (-10,64 тыс. человек), Тамбовская область (-10,99 тыс. человек), Владимирская область (-15,22 тыс. человек). Все эти регионы потеряли в 2020 г. более 1% населения при отрицательных значениях естественного и миграционного приростов.



Рис. 2. Регионы России с положительным естественным и миграционным приростом, 2020

Fig. 2. Regions of Russia with positive natural and migration growth, 2020

Следует отметить, что в естественном движении населения позитивная динамика отмечалась только в 13 регионах (см. рис. 3). К их числу относятся Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Кабардино-Балкария, Республика Алтай, Бурятия, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкессия и Тюменская область. Максимальные значения коэффициента естественного прироста на 1000 жителей наблюдались

в Чечне (13,7), Ингушетии (12,5) и Тыве (более 10,8). Положительные значения естественного прироста в большинстве случаев связаны с высоким уровнем рождаемости, сохраняющимся в национальных республиках Российской Федерации.



Рис. 3. Регионы России с положительным естественным приростом, 2020
Fig. 3. Regions of Russia with positive natural growth, 2020

Миграционный приток в 2020 г. отмечался в 31 субъекте Российской Федерации (36% регионов) (см. рис. 4). Наиболее привлекательными в миграционном отношении были субъекты с развитой экономикой, высоким уровнем заработной платы и емким рынком труда, которые стягивали на себя население из прочих регионов России и стран СНГ – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и другие. Регионы Южного федерального округа привлекают население мягким климатом в сочетании с возможностью ведения бизнеса и трудоустройства. Особенно популярным для мигрантов в 2019–2020 гг. стали агломерации Краснодара и Сочи. Максимальные значения миграционного прироста на 10 тыс. жителей отмечались в Севастополе (1313), Ленинградской области (168), Калининградской области (101), Калужской области (67), Московской области (65,7), Якутии (61) и Краснодарском крае (55).

По третьему критерию – суммарному коэффициенту рождаемости близкому к простому воспроизводству населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) – к демографически благополучным в 2020 г. можно было отнести только Республику Тыва (2,97), Чеченскую Республику (2,57) и Ненецкий автономный округ (2,25) (см. рис. 5). Самый низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости характерен для регионов европейской России с преобладанием русского населения и высокой долей численности городского населения. К их числу отно-

сятся Орловская область (1,27), Пензенская область (1,23), Саратовская область (1,23), Смоленская область (1,15), Тамбовская область (1,28), Тульская область (1,25).

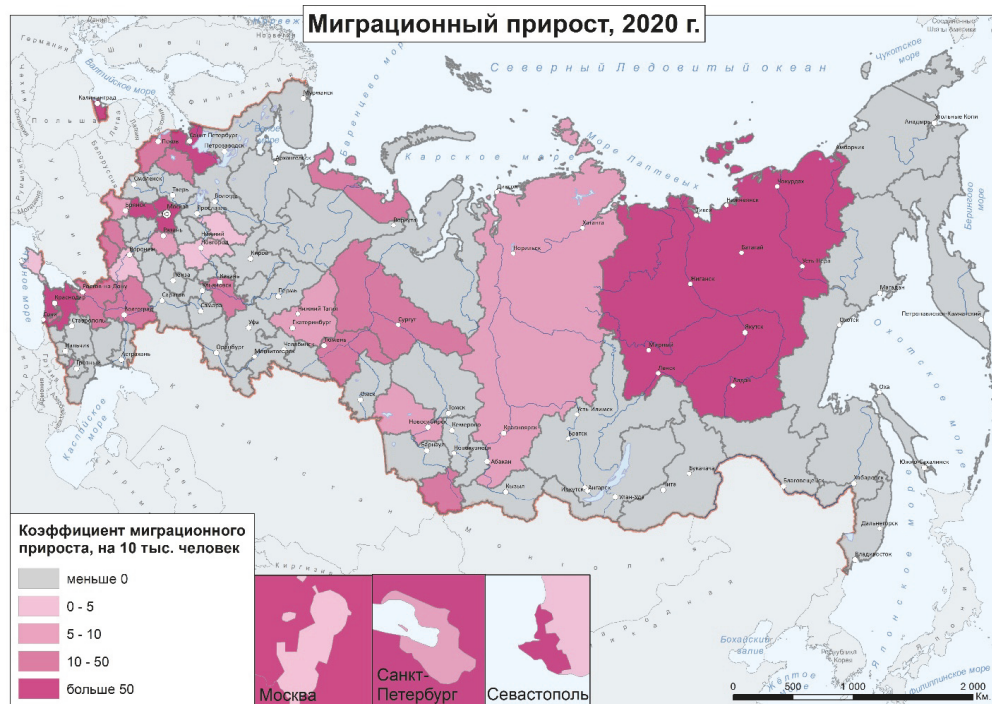


Рис. 4. Регионы России с положительным миграционным приростом, 2020
Fig. 4. Regions of Russia with positive migration growth, 2020

Исследования группы демографов под руководством А. Е. Ивановой показывают, что важным элементом демографического благополучия является структура смертности населения. В частности, экстремальные «выбросы» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах свидетельствуют о нарушении «стандартной» структуры смертности населения, влияя негативно на демографический потенциал регионов [11; 12].

Среднее значение показателя смертности в трудоспособном возрасте по России составляет 497 смертей на 100 тыс. человек в 2020 г. Ниже всего уровень смертности среди трудоспособного населения отмечался в республиках Северного Кавказа: Ингушетия (200,1), Дагестан (222,7), Карачаево-Черкесия (326,8), Республика Кабардино-Балкария (336,1), а также в г. Москве (331,8). Высокая смертность в трудоспособном возрасте в 2020 г. отмечалась в Чукотском автономном округе (780,1), Амурской области (736,4), Республике Тыва (730,5), Иркутской области (685,8) и Еврейской автономной области (680,3).

Уровень младенческой смертности на 100 тыс. новорожденных в Республике Чувашия (209,71), Республике Коми (232,9), Калмыкии (287,62), Мордовии (296,54) и Адыгее (301,86) в 2020 г. был самым низким в стране (в среднем по России 444,41 младенческая смерть на 100 тыс.). Вместе с тем экстремальные значения по данному показателю наблюдались в Чукотском автономном округе (1435,64 смертей на 100 тыс.

новорожденных). Высокий уровень младенческой смертности фиксировался также в Костромской области (752,08), Республике Алтай (745,97), Дагестане (682,53) и Ненецком автономном округе (674,91).



Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости в России, 2020
Fig. 5. Total fertility rate in Russia, 2020

По четвертому критерию – сбалансированной половозрастной структуре населения, характеризующейся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов, необходимых для социально-экономического развития – наиболее благополучная ситуация в 2020 г. наблюдалась в четырех субъектах Российской Федерации, в том числе Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Ингушетия.

В сравнении со средними значениями по России в данных регионах наблюдается высокая доля населения младше трудоспособного возраста (см. табл. 2). В перспективе это позволит рассчитывать на меньшие потери в численности трудоспособного населения. Вместе с тем доля старшей возрастной группы значительно ниже среднего значения по стране.

Общая картина половозрастной структуры представленных выше территорий схожа (см. рис. 6). Данные регионы характеризуются высокой долей сельского населения вместе с выраженной национальной спецификой. Рождаемость в таких субъектах продолжает оставаться на высоком уровне.

Наименьшая доля населения младше трудоспособного возраста наблюдается в регионах европейской части России. К ним относятся Тульская область (15%), Тамбовская область (15,1%), Республика Мордовия (15,1%), г. Москва (15,5%), Смоленская (15,6%), Ленинградская (15,6) и Воронежская (15,9) области.

Таблица 2.

Возрастная структура населения, %

Table 2.

Age structure of the population, %

| Возрастная группа | Ингушетия | Республика Алтай | Республика Саха (Якутия) | Ненецкий АО | Российская Федерация |
|------------------------|-----------|------------------|--------------------------|-------------|----------------------|
| моложе трудоспособного | 28,01 | 27,83 | 24,52 | 24,47 | 18,70 |
| трудоспособного | 59,02 | 53,99 | 58,59 | 57,01 | 56,34 |
| старше трудоспособного | 12,96 | 18,17 | 16,88 | 18,52 | 24,96 |

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики

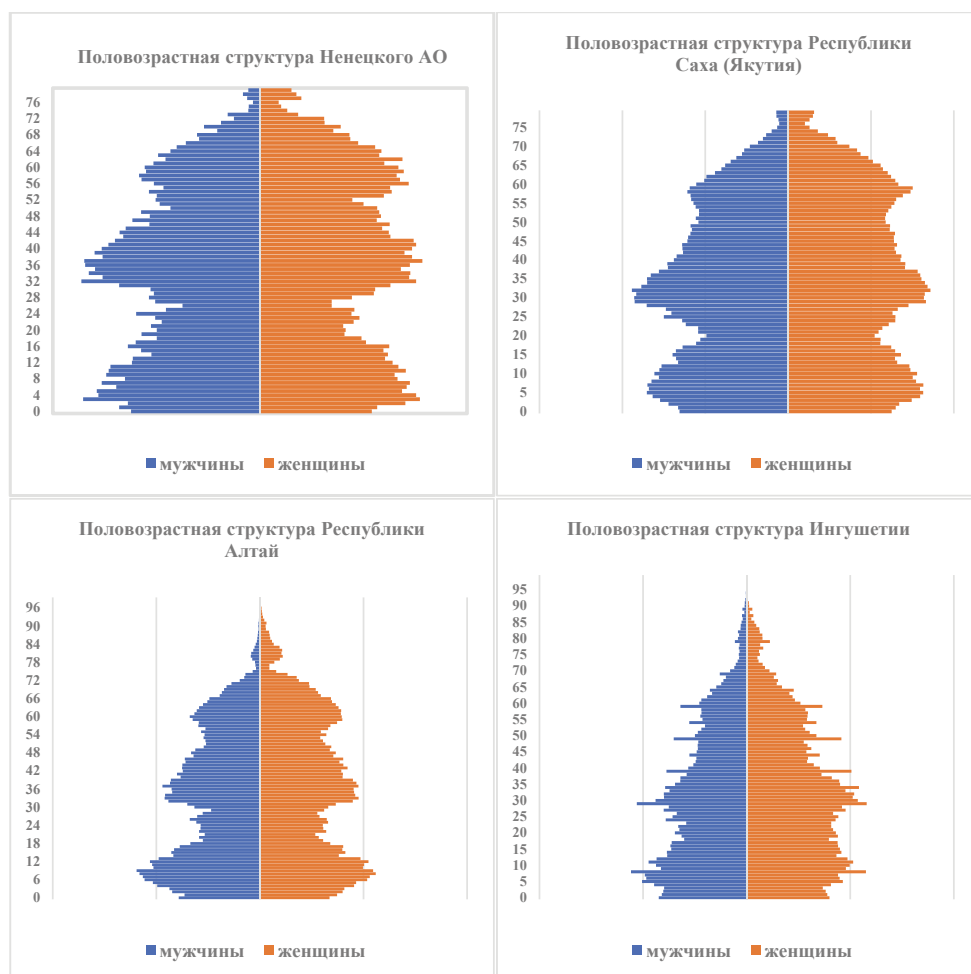


Рис. 6. Половозрастная структура Ненецкого автономного округа, Республики Саха (Якутия), Республики Алтай и Республики Ингушетия, 2020

Fig. 6. Gender and age structure of the Nenets Autonomous Okrug, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Altai and the Republic of Ingushetia, 2020

Наибольшая доля старшей возрастной группы также наблюдается в субъектах центральной России. Это Тамбовская (30,3%), Тульская (29,9%), Рязанская (30,3%), Пензенская (29,4%), Псковская (29,2%) и Новгородская области (29,1%).

Выводы и рекомендации

Таким образом, в контексте демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции, важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политике. Полагаем, что в этой связи целесообразно шире вводить в обиход и активно использовать понятие «демографическое благополучие» при мониторинге и анализе демографической ситуации, а также с целью придания позитивной направленности и социального оптимизма процессам управления демографическими процессами.

С целью решения проблем депопуляции в Российской Федерации стране требуется министерство демографического развития. Также необходима мощная национальная программа демографического развития на среднесрочную перспективу, которая будет включать, как минимум четыре направления мер демографической и миграционной политики. Во-первых, планомерную поддержку и повышение доходов семей с детьми. Во-вторых, стимулирование самосохранительного поведения и повышение доступности здравоохранения в контексте сокращения бедности и повышения доходов населения в стране с целью сокращения смертности, прежде всего, в трудоспособных возрастах, а также увеличения продолжительности жизни населения страны. В-третьих, использование миграционных ресурсов, в том числе за счет привлечения образовательных мигрантов, соотечественников, части трудовых мигрантов. В-четвертых, создание условий для самореализации населения внутри страны, ориентированного на эмиграцию из России, что также обеспечит миграционный прирост населения [13].

Содержание термина «демографическое благополучие» следует рассматривать, как минимум, на двух уровнях: макроуровне (страны, региона) и микроуровне (семьи, домохозяйства, человека). В каждом из подходов имеется собственная специфика, что накладывает отпечаток на подходы к методике и оценке показателя демографического благополучия. В рамках Российской Федерации на демографические процессы значительное влияние оказывают социокультурные, региональные, этнорелигиозные особенности населения. Данные аспекты требуют учета в методике оценки демографического благополучия регионов страны. Требуется дальнейшего развития методика оценки демографического благополучия для территорий в части развития показателей и статистических демографических данных, используемых для их характеристики.

Список литературы

1. Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations. D. Raphael (ed.) Canadian Scholars Press, 2016. 392 p. ISBN: 9781551309279.
2. Клиническая психология. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Твороговой Н. Д. 2-е изд. – М.: Практическая медицина, 2016. – 608 с. ISBN: 978-5-98811-356-0.
3. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. – 320 с. ISBN: 978-5-9950-0294-9.
4. Римашевская Н. М. «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
5. Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого

капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>.

6. Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты // Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. – М.: Экон-Информ, 2003. – 55 с. ISBN: 5-9506-0047-9.

7. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.

8. Вишневский А. Г. Русский или прусский? Размышления переходного периода. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 384 с. ISBN: 5-7598-0305-0.

9. Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

10. Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>.

11. Иванова А. Е. Старт национальных проектов в сфере демографии и здравоохранения: региональные особенности // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 5. С. 4. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-5-4>.

12. Иванова А. Е., Михайлов А. Ю. Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). С. 1.

13. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; Отв. ред. С. В. Рязанцев. – М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. – 156 с. DOI: <https://doi.org/10.25629/НС.2020.13.01>. ISBN: 978-5-93856-292-9.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; PИНЦ Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9143-1740; PИНЦ Author ID: 1025136; Scopus.Author ID: 57209221088; Web of Science Researcher ID: AAY-1530-2021.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07352.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; принята в печать 27.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC WELL-BEING: THEORETICAL APPROACHES TO DEFINITION AND ASSESSMENT METHODOLOGY

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Timur R. Miryazov. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Abstract. The article introduces the concept of “demographic well-being”. At the micro level, demographic well-being should be understood as the possibility of realizing matrimonial, reproductive, migration attitudes, which leads to life satisfaction and the achievement of the desired physical, mental, socio-economic state of the individual and the family. Demographic well-being at the level of a country or its region, at the macro level, can be interpreted as a balanced ratio of quantitative and qualitative indicators of the demographic development of a country (region) for at least five years. The article also examines the features of the demographic development of the Russian Federation during the second wave of depopulation. A methodology for assessing demographic well-being based on several criteria is proposed. First, demographic well-being should be characterized by positive (upward) demographic dynamics that have a stable (long-term) character. Secondly, regions in which there is a population growth due to two components – natural and migratory population growth – can be considered demographically prosperous. Regions in which there is a migration or natural decline in population, but there is a general increase, cannot be considered demographically prosperous. Thirdly, the ratio of indicators and the dynamics of fertility and mortality rates can be considered an important point. First of all, this is their direct ratio, where the birth rate should exceed the death rate. At the same time, the birth rate should be close to the population replacement level, and the structure of mortality should have no extreme “surges” in the form of excess mortality in the working age and younger age groups. Fourth, an important point is the qualitative indicators of demographic well-being, including a balanced sex and age structure of the population, the optimal proportion of young people and pensioners, and the availability of labor resources necessary for socio-economic development. The typology of the regions of the Russian Federation according to the indicators of demographic well-being is presented. The authors also propose measures of demographic policy to achieve demographic well-being in the Russian Federation, including federal and regional measures.

Keywords: demographic well-being, demographic security, demographic processes, population reproduction, demographic indicators, fertility, mortality, migration.

References

1. *Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations*. D. Raphael (ed.) Canadian Scholars Press, 2016. 392 p. ISBN: 9781551309279.
2. *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical psychology]. Encyclopedic Dictionary / N. D. Tvorogova (ed.) 2nd ed. Moscow: Prakticheskaya meditsina Publishing House, 2016. 608 p. ISBN: 978-5-98811-356-0. (In Russ.)
3. Rimashevskaya N. M. “*Russkiy krest*” [“Russian cross”]. *Priroda* [Nature]. 1999. No. 6. P. 3–10. (In Russ.)
4. Zhiromskaya V. B. *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main trends in the demographic development of Russia in the 20th century]. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House, 2012. 320 p. ISBN: 978-5-9950-0294-9. (In Russ.)
5. Iontsev V. A., Magomedova A. G. Demographic Aspects of Human Capital Development in Russia and Its Regions. *Economy of Region*. 2015. No. 3 (43). Pp. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>. (In Russ.)
6. Rybakovsky L. L. *Demograficheskaya bezopasnost': populyatsionnyye i geopoliticheskiye aspekty* [Demographic security: population and geopolitical aspects]. Russian Academy of Sciences. Institute of Socio-Political Research. Moscow: Econ-Inform Publishing House, 2003. 55 p. ISBN: 5-9506-0047-9. (In Russ.)
7. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudaeva O. V. Demographic Security of Russia: Regional Measures, Results Estimation. *The World of New Economy*. 2016. No. 4. Pp. 142–153. (In Russ.)
8. Vishnevsky A. G. *Russkiy ili prusskiy? Razmyshleniya perekhodnogo perioda* [Russian or Prussian? Reflections of the transition period]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2005. 384 p. ISBN: 5-7598-0305-0. (In Russ.)
9. Zakharov S. V. Perspektivy rozhdayemosti v Rossii: vtoroy demograficheskyy perekhod [Prospects for fertility in Russia: the second demographic transition]. *Otechestvennyye zapiski*. 2005. No. 3 (24). Pp. 124–140. (In Russ.)
10. Ryazantsev S. V., Rybakovsky L. L. Demograficheskoye razvitiye Rossii v XX–XXI vekakh: istoricheskoye i geopoliticheskoye izmereniya [Demographic development of Russia in the XX – XXI centuries: historical and geopolitical dimensions]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. No. 9. Pp. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>. (In Russ.)
11. Ivanova A. E. Launch of National Projects in Demography and Healthcare: Regional Features. *Social Aspects of Population Health*. 2020. Vol. 66. No. 5. Pp. 4. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-5-4>. (In Russ.)
12. Ivanova A. E., Mikhaylov A. Y. Assessment of Population Policy Aimed at Reducing Mortality at the Regional Level in Russia. *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 5 (57). Pp. 1. (In Russ.)
13. *Demograficheskoye razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery. Natsional'nyy demografiches-*

kiy doklad 2020 [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report 2020]. / S. V. Ryazantsev, V. N. Arkhangelsky, O. D. Vorobyova [and ors.]; Resp. ed. S. V. Ryazantsev. Moscow: Ob'yedinennaya redaktsiya Publishing House, 2020. 156 p. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01>. ISBN: 978-5-93856-292-9. (In Russ.)

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9143-1740; RSCI Author ID: 1025136; Scopus Author ID: 57209221088; Web of Science Researcher ID: AAY-1530-2021.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 19-29-07352.

Received on 30.08.2021; accepted for publication on 27.10.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.